

РОДИТЕЛИ МАРКА

То ли потому, что я стала первой невесткой (жена сына) – еврейкой, то ли мама просто полюбила меня, но она всегда уделяла мне много внимания и ласки. Тогда были женаты только Сеня с Любой (прожили уже 10 лет, но только после нашей свадьбы решили оформить брак). Детей у них не было. За год до нас сошлись Саша с Валей (как я уже писала, на нашей свадьбе Валя была беременна своим первым сыном Жоржем, и когда она его родила в сентябре 1937 года, они зарегистрировали брак и оформили его свидетельство о рождении).

После обеда у мамы все пили чай. Однажды я отказалась от чая и на вопрос мамы, почему не пью чай, отвечала, что только утром люблю сладкий чай, а вечером – с конфеткой. Мама пошла в другую комнату, извлекла из-под белья конфету и принесла её мне. После этого случая у неё всегда была припрятана конфета для меня. Или другой случай: незадолго до свадьбы я купила себе кротовое манто в рассрочку, и когда мы зимой приехали к маме, и она увидела его, то вынесла мне из другой комнаты несколько кротовых шкурок, чтобы я сделала себе шапочку и муфточку, которые в то время были очень модные. Я поблагодарила маму, а другая невестка Валя спросила: «Мама, а почему вы мне не дарите шкурки для шапки и муфты?!!» Мама не растерялась и ответила: «Когда ты себе купишь такое манто, то я тебе тоже подарю шкурки для шапки и муфты!»

Приезжая на Лесной к маме, я, здороваясь и прощаясь, всегда целовала маму и всех братьев и сестер. Всем это было приятно, и это вошло в обычай нашей семьи.

Вскоре после нашей женитьбы мама познакомилась с пожилым человеком Абрамом Самойловичем и решила выйти за него замуж. Заканчивался 1937 год, после смерти первого мужа, отца всех десятерых детей, прошло уже шесть лет (у него был рак печени). Но прежде чем оформить свой брак с Абрамом Самойловичем мама поговорила и спросила мнение не только всех своих детей, но и невесток, в том числе и мое. И хотя две младшие дочери – Оля и Раи – были ещё незамужними и жили с ней в одной квартире, да и два сына Ароша и Лева были неженаты, но все сошлись на том, что маме будет лучше, если она выйдет замуж.

Так сказал старший сын Аркадий, приехав из Москвы. Он прямо сказал: «У вас всех своя личная жизнь, все занимаются своими делами и семьями, а мама остается очень часто одна в квартире. А так рядом с ней будет муж и друг». На том и поре-

шили. Абрам Самойлович переехал к маме. Они занимали одну комнату, а во второй жили все дети: Рая и Оля, Ароша, а потом ещё и Сеня с Любой – в отгороженном простынями углу той же комнаты. До этого они снимали комнату на одной площадке с мамой у хозяйки. Но потом у этой хозяйки дочка вышла замуж и ей понадобилась комната. Вот Сеня с Любой и переехали к маме, потому что получить или снять квартиру было тогда – да и вообще всегда в Союзе – очень трудно. Многие жили в ужасной тесноте, по несколько семей в одной комнате.

Когда мама сошлась с Абрамом Самойловичем, он ещё работал, хотя и был пенсионного возраста. Но в то время в Советском Союзе пенсионерам выплачивали такую мизерную пенсию, что её совершенно не хватало даже на питание. А тем, кто не имел рабочего стажа, вообще не платили ничего. Ну, а мама, конечно, никогда в жизни не работала, воспитывала 10 детей. Вскоре Абрам Самойлович тоже перестал работать, и решили, что и его и мамины дети будут давать ежемесячно определённую сумму. И я помню, что каждый месяц в день зарплаты заходила к маме и давала ей 50 рублей. Я в то время получала 425 рублей (старыми деньгами).

У Абрама Самойловича были, по-моему, две дочери и два сына – у всех свои семьи – и, конечно, внуки. Маму его дети приняли очень хорошо. Они часто навещали отца, и, видимо, общение доставляло всем обоюдное удовольствие. Мама вообще была очень хорошая, беззлобная женщина, умела ладить и поддерживать хорошие отношения со всеми окружающими, не говоря уже о своих детях, невестках и зятьях. Все ее превозносили, уважали, а у детей, как говорили все знакомые, «она была на пьедестале».

Я считаю, что это большое искусство, имея семерых невесток и трёх зятьев, сохранять всю жизнь прекрасные отношения со всеми и заслужить со стороны всех не только большое уважение, но и искреннюю любовь. Я всегда очень ценила её отношение ко мне, и все её поступки и слова глубоко засели у меня в сердце и голове смолоду. И всегда думала, что когда у меня будут дети, то я хотела бы быть такой же как мама – тещей и свекровью. Мне очень хотелось иметь и дочь, и сына отчасти для того, чтобы побывать в этих двух ролях. У меня за всю жизнь был только один инцидент с мамой, но и то, как он закончился, меня потрясло и запечатлелось в памяти на всю жизнь.

Это случилось через год после того, как мы с Марком поже-

нились. Мы уже в то время жили на Лесном проспекте в одном дворе с мамой. В мае 1938 г. выходила замуж Оля, средняя сестра Марка. Выходила она за Мишу Богорада, который жил с родителями в Павловске под Ленинградом. Там же и была свадьба. Но моих родителей мама почему-то не пригласила. Как она говорила, ей было стыдно приглашать их туда, так как семья Богорад была очень простая. Но мне кажется, причина была не в этом: просто моя мама почему-то не очень хорошо относилась к маме Марка, невзлюбила её и подсмеивалась над ней. Мне это не нравилось, потому что мы с Марком жили очень хорошо и дружно, и Марк прекрасно относился к моим родителям и, вообще, она не заслуживала плохого отношения по всем качествам своего характера.

Но, тем не менее, это мои родители, и мне было очень не- приятно, что мама так с ними обошлась. Я заявила Марку, что я на свадьбу не поеду, пусть едет один. И начались у нас дебаты на эту тему. Он сказал, что один он не поедет, ехать нужно вместе, это свадьба его сестры и т.д., «додебатировали» допоздна и всё же поехали вместе последней электричкой. Я была обижена, настроение было испорчено. Я даже не подошла к столу и не вeszелилась, как положено на свадьбе.

Я перестала заходить к маме, хотя мы жили в одном дворе. Прошло несколько месяцев. Однажды в выходной, когда мы были дома вдвоём с Марком, родители куда-то ушли, раздался звонок в дверь. Это была мама Марка. Она вошла, поцеловала меня и сказала по-еврейски такую фразу: «Когда кошка съедает сметану, хозяйка выбрасывает её (кошку) на улицу, но она всё равно возвращается в дом. Так и мать. Дети могут её даже выгнать, и она рассердится на них, а всё равно со временем придёт к ним». На еврейском языке это звучит очень сильно, и на меня эта притча произвела очень сильное впечатление. После этого случая у меня за всю жизнь не было больше с мамой ни одного инцидента. Я её очень любила и тепло относилась к ней до самой её смерти – так же как и она ко мне.

Теперь, я думаю, настало время написать о семье Марка. Начну с родителей. Мама Марка – Геня Моисеевна Беккер, 1879 года рождения, урождённая Гитель Бирман. Отец её был ремесленником – столяром. Жили они в Одессе на Молдаванке на Кастецкой улице.

В семье, кроме неё, был ещё старший брат Абрам. Он получил некоторое образование и примкнул к революционному дви-

жению, ещё будучи студентом. В студенческой среде он познакомился со своей будущей женой Густой. Они оба были членами еврейской организации «БУНД», занимались только просветительской и пропагандистской деятельностью среди европейской бедноты. У них было двое детей: сын Муся и дочь Лиза. Жили они вместе с родителями мамы – Бирманами, в доме, где была его мастерская, занимая две комнатки в общей квартире. Хозяйством и внуками занималась бабушка Марка, которую звали Рейзл, в память которой названа младшая дочь мамы – Раја (Рейзл).

Дедушка и бабушка Марка были высокого роста и светловолосые. Оба были по характеру добрыми и мягкими людьми и оказывали по мере возможности материальную и моральную помощь всем, кто обращался к ним. Они были сугубо верующими, ортодоксальными евреями. Бабушка и дедушка умерли в 1918 г. от свирепствовавшего тогда сыпного тифа. Ухаживавшая за ними жена сына Густа, заразившись, тоже вскоре умерла. Абрам (мамин брат) очень тяжело перенёс смерть родителей и любимой жены и решил тоже уйти из жизни. Он отказался принимать пищу и его ослабленный туберкулёзом организм угас через 13 дней. Оставшиеся двое детей сначала жили у родителей Густы, то есть бабушки и дедушки по материнской линии, а в дальнейшем перешли жить в семью мамы. Но Лиза умерла 12-летней девочкой от воспаления лёгких в маминой семье, а Мусю мама опекала всю жизнь до самой смерти.

Мама была красивая светловолосая девушка, к сожалению, не получившая никакого образования, совершенно не умела ни писать, ни читать по-русски, по-еврейски немного умела, но по-русски говорила очень плохо. Поэтому она говорила два слова по-еврейски, три – по-русски, смешивая оба языка. Она вышла замуж в 1903 г. летом за Иосифа-Рафаила Берк-Берл (отчество) Беккер, а называли его Иосиф Беркович или по кличке, как это было принято в Одессе, Иосл дер Бердичевер. Причем откуда эта кличка – неизвестно. Он родился в 1877 г. в семье ремесленника-портного Берк-Берл Беккера. В семье кроме папы была ещё дочь его сестры, которую звали Эстер и брат Меер. Все трое детей в семье дедушки Марка получили некоторое образование, давшее возможность Эстер и Мееру заниматься преподавательской работой в школе, а Меер был ещё редактором европейской газеты. А папа больше занимался освоением портновского ремесла и торговой деятельностью, хотя тоже был образованным и эрудированным человеком, как в русской, так и европейской гра-

моте. Вся семья папы была очень религиозной, и он сам тоже.

Бабушка и дедушка жили в центре города Одессы на Пушкинской ул. дом №49. В передней части квартиры располагался их магазин по продаже портновского приклада. Дедушка и бабушка были невысокого роста, шатены, очень общительные, добрые, и эти качества они передали отцу Марка. Бабушка, очень волевая и деловая, воспитанная в ортодоксальной семье, управляла всем домом. Она была грамотная, говорила и по-еврейски и по-русски. Дедушка умер после революции в годы голода, а бабушка продолжала торговлю в магазине портновских прикладов, многое изготавливая сама, своими силами до глубокой старости.

Родители Марка были глубоко верующими, особенно отец. Очень доброжелательный и коммуникабельный, он считал всех людей хорошими. Очень любил маму, относился к ней с большой добротой, уважением и вниманием. Оставлял ей каждый день деньги на домашние расходы, она распоряжалась ими по своему усмотрению. Будучи религиозным, отец считал, что детей нужно иметь столько, сколько Бог дает, не применяя никаких противозачаточных средств. Мама за первые 15 лет своего замужества родила 11 детей (один мальчик умер младенцем), причём подряд родились восемь мальчиков. Конечно, как всем родителям, им хотелось девочку и, наконец, девятая появилась девочка. После неё был перерыв в 3 года, затем родилась вторая девочка и третья. Когда я ешё в молодости спросила у мамы, почему же они не предохранялись, ведь в наше советское время даже трудно себе представить как можно прокормить, одеть, обуть и получить соответствующую квартиру для стольких детей? На мой вопрос она с юмором ответила: «Мой муж говорил мне, что не любит здороваться через перчатку!»

Отец работал один, содержал всю семью, помогал ещё и бедным, и давал пожертвования на синагогу. На рынке – или, как его называли, на «толкучке» – у него была часть ларька или киоска, где держал и продавал мужскую готовую одежду. Партии одежды, пользующийся спросом ассортимент отец заказывал у разных портных, с которыми поддерживал деловые и торговые связи. Он давал им деньги на покупку нужных материалов и приклада в магазине у своей мамы. Так было до революции. После революции «толкучку» закрыли, и отец стал заниматься тем, что скупал старые вещи, ремонтировал, красил их, перешивал, имея соответствующий опыт и связи с портными, и продавал их «с

рук», храня свой товар в близлежащем частном магазине. Владелец магазина должен был иметь «патент» на право торговли изготовленным им самим товаром – он назывался «кустарь-одиночка». Обычно это был инвалид войны, и все, кто пользовался частично площадью его магазина-мастерской, платили ему соответствующую мзду. Этим они скрывали от финансовых органов Советской власти свою деятельность – занятие торговлей.

Такова была ситуация в первые годы после революции 1917 г. Из-за гражданской войны и разрухи товаров становилось всё меньше. Советская власть пыталась организовать государственную и кооперативную торговлю. Но поскольку товаров первой необходимости не хватало, все мгновенно скапалось людьми «свободных» профессий и перепродавалось с рук на рынке по более высоким ценам и скрытно, что, естественно, было противозаконно. Предприимчивые люди скупали большие партии товаров и перевозили их для продажи в другие места, где они пользовались ещё большим спросом и продавались по более высоким ценам. Такова была обстановка, в которой жили бывшие мелкие торговцы, в основном евреи. Этим занимался и пapa – нужно было кормить большую семью, а другой профессии у него не было, да и ремесленники не имели больше возможности доставать необходимые принадлежности и сырьё для работы.

Введенный в 1922 г. НЭП (новая экономическая политика) дал новый толчок к развитию частной инициативы в области мелкого производства и торговли в больших городах. Пapa, оставил семью в Одессе, поехал на заработки в Москву, где открыл кустарную мастерскую в селе Алексеевка под Москвой, установил связи с портными и занялся пошивом мужской готовой одежды. Он арендовал у базара на Трубной улице в Москве маленький участок на складе, где торговцы хранили свой товар, и, договорившись тут же с одним инвалидом, торговавшим на рынке, продавал под его именем свой товар, платя ему за это.

Родители Марка жили не богато, но по-хозяйски. Мама мне рассказывала, что на всё у неё была установлена норма. Утром все дети садились за стол завтракать, причём самых маленьких она привязывала полотенцем к стулу. Завтрак состоял из сладкого чая и сайки – такая булочка с маслом. Самые старшие получали два стакана чая с определённым количеством сахара, средние дети – по полтора стакана, а младшие – по одному стакану чая. На обед мама чаще всего делала котлеты, так как ей это было выгодно – можно было положить побольше хлеба. На первое она

готвила суп с фасолью и фасоль давала на гарнир. Все эти блюда дети очень любили.

Когда мы с Марком поженились, у него был очень ограниченный ассортимент любимых блюд: суп с фасолью, бульон и борщ – на первые блюда, а на вторые – котлеты, жаркое и, конечно, фаршированная рыба. Ну а поскольку семья жила на Украине, в Одессе, всегда было много фруктов и овощей, содержащих большое количество витаминов. Но мама этого не понимала. И когда она бывала у нас, и росли наши дети, мы всегда старались, чтобы в их питание входило как можно больше витаминов, а она смеялась над нами, говоря: «Только и слышишь у вас – «витамины-шмитамины», я этого не понимаю. Я ходила на Привоз и на тележке привозила помидоры, арбузы, огурцы и другие овощи и фрукты». На что я ей отвечала: «Так это же и были самые лучшие витамины». Все дети были крепкие и здоровые, болели редко, потому что росли на воздухе, на море. Старшие дети с ранней весны и до поздней осени купались и загорали.

Старшие мальчики – Аркадий, Гриша и Сеня – учились в гимназии до революции, а Марк, четвёртый по счету сын, успел только окончить средний подготовительный класс гимназии. Младшие были дома с мамой. В семье всегда была няня, а иногда ещё и домработница. В 1916 г. отца призвали в действующую царскую армию рядовым солдатом. Его часть находилась в тылу, где проходила формирование перед отправкой на фронт в г. Бердичеве. Поскольку он был очень религиозный, ел только кошерную пищу, ему разрешали отлучаться в город для покупки продуктов и посещения синагоги. Во время одной из таких отлучек в город он договорился с местным врачом, и за соответствующую плату ему сделали двустороннюю паховую грыжу.

Через некоторое время, когда была организована отправка людей в действующую армию, отец заявил медицинской комиссии о том, что у него двусторонняя паховая грыжа и получил право после освидетельствования на освобождение от военной службы. Это было в начале 1917 г. А пока он был в армии, мама получала большую пенсию на восьмерых детей, и на эти деньги и имеющиеся у неё сбережения открыла молочный магазин при квартире на Большой Арнаутской улице угол Ришельевской. В этой квартире на первом этаже было четыре комнаты и кухня – в одной спали родители с самой младшей тогда дочкой Бетей, во второй – старшие мальчики, а в третьей – младшие, и в этой же комнате стоял обеденный стол, где собиралась за обедом вся се-

мья. Домработница спала на кухне или в магазине, но магазин просуществовал недолго, продукты съедались больше семьей, чем продавались.

Весной 1917 г. отец вернулся из армии, прослужив несколько месяцев. Молочный магазин был ликвидирован, мебель и ненужные вещи проданы, и вся семья уехала на дачу в Люстдорф, отказавшись от аренды квартиры, чтобы не платить за нее в летнее время. Дачей служил двухэтажный дом, нижний этаж которого, состоявший из 4-х комнат, террасы и кухни, занимала семья родителей Марка со всеми детьми.

Воспоминания, написанные Марком:

В условиях Ленинско-Сталинского режима мало что помню из раннего детства. Мы жили на Б.Арнаутской между Ришельевской и Екатерининской улицами. В синагогу с папой шли на Екатерининскую. Когда папу призвали в Армию, мама получила пенсию на семью и открыла лавочку, в которой продавались молочные продукты: молоко, творог, сметана и другие предметы, что ей привозили крестьяне из пригорода. Лавкой служила комната с выходом на улицу, а в комнатах за лавкой жила семья. Кроме лавки и синагоги, помню хедер, куда меня приводил папа утром, а когда его призывали в армию, недолго ходил уже сам.

Папины родители с сыном жили на Пушкинской между Успенской и Б.Арнаутской, и когда в Одессу приехал царь Николай, папа привёл нас, старших детей, к бабушке, и мы видели проезд царской машины по Пушкинской от вокзала в сторону Дерибасовской. В памяти детства запечатились наши походы с папой в общую мужскую баню на Мещанской. Помню посещение маминого отца на Кастецкой улице на Молдаванке.

Тогда же я поехал на Толчок к папе и видел, как папа уговаривал покупателя купить у него, что ему необходимо из одежды. Магазин одежды был открыт. Дверей не было, и люди входили в будку, где с одной стороны висели костюмы, а с другой – пальто и куртки, а на полке-скамейке лежали брюки. Я видел, как папа примерял на дядьку пиджак и приложил брюки к пиджаку и повернул его лицом к зеркалу в центре магазина. Что было дальше, не знаю, так как уже прошло много времени, как я ушел от мамы, и я боялся, что мне попадёт от папы, если мама ему скажет, что я куда-то уходил надолго.

Помню лето 1917 г., когда папа снял дачу на 10-й станции в пригороде Одессы. А в конце лета мы уже не поехали на старую квартиру, где была молочная лавка, а нас поселили у бабушки на Пушкинской и у тёти Эстер, папиной сестры, на Земской.

Февральская революция 1917 г. нарушила нормальный образ жизни населения. Начали создаваться различные противо-

борствующие между собой группы. Большевики с помощью моряков и рабочих, создавших отряды Красной армии, старались захватить власть в Одессе. Им противостояли воинские подразделения гайдамаков – украинских националистов. Кроме того, действовала власть Временного правительства, поддерживаемая полицией и воинскими подразделениями, где ещё была воинская дисциплина, поддерживаемая пользующимися авторитетом офицерами. И ещё в городе активизировались различные бандитские и воровские организации, процветало воровство и грабежи. В связи с отдельными случаями проявления антисемитизма и погромами в Одессе начали создаваться отряды самообороны среди еврейского населения города.

В конце сентября семья Марка переехала в город, сняли квартиру на улице Белинского при пивном заводе, который успели разграбить и разрушить бунтующие толпы. А владелец завода успел скрыться. Дворник этого дома дал возможность за соответствующую мзду поселиться семье в этой квартире. Но прожили там недолго, так как одной из воюющих групп понадобился этот дом и квартира для размещения командования штаба. И они переселили семью в квартиру на Канатной улице угол Новорыбной, предоставив этой большой семье квартиру на втором этаже, состоящую из шести комнат. Там они прожили до 1923 г. Чтобы иметь возможность содержать свою большую семью, отец Марка открыл маленькую красильную мастерскую и одновременно организовал пошив одежды портными на дому, снабжая их материалами и необходимыми принадлежностями. А готовую продукцию продавал сам и раздавал другим людям для продажи на рынках. И это давало семье возможность существования.

Старшие мальчики – Аркадий, Гриша, Сеня и Марк – продолжали учиться в первой еврейской одесской гимназии. Но в связи с тем, что власть в городе часто менялась, невозможно было нормально учиться или работать. И только в 1922 г., когда в Одессе установилась Советская власть, жизнь начала входить в норму. Троє старших сыновей – Аркадий, Гриша и Сеня – работали на разных работах, чтобы помочь семье, а Марк пошёл в советскую трудовую школу-полуинтернат, где детей кормили и одевали и одновременно обучали ремеслу, но спать они шли домой.

В последующие годы власти усилили преследование частнопредпринимательской деятельности, и отец Марка в поисках заработка уехал в Москву, куда вслед за ним переехали два

старших сына – Аркадий и Сеня. А Гриша, списавшись с другом Оржиком, бежал через Благовещенск в Шанхай, поскольку его попытки бежать морским путём из Одессы за границу дважды не увенчались успехом.

О деятельности отца в Москве я уже писала в предыдущих главах. Усилившееся преследование частнопредпринимательской деятельности в Москве вынудило отца переехать в Ленинград в 1929 г., куда переехала из Одессы вся семья – мама со всеми детьми. Поселились они в Павловске под Ленинградом. Отец пошёл работать кассиром в частный магазин готовой одежды в Апраксином дворе за зарплату. Проработал он там всего год, и магазин закрыли. Отец перестал работать и занялся организацией «погребального братства» при синагоге в Павловске.

Создал отдельный еврейский участок на кладбище в Детском селе – в Пушкине. Он словно предчувствовал, что здесь будет место и его вечного покоя. В 1931 г. он заболел раком печени и, проболев полгода – с лета до декабря, тихо умер в полном сознании в больнице «Водников», куда Марк его устроил, будучи работником водного транспорта.

Марк принял все меры, чтобы спасти жизнь отца и привёз профессора Грекова в больницу к отцу на консультацию. Тот только вскрыл его и зашил – было уже поздно. До этого отец никогда не болел никакими болезнями и очень мужественно переносил заболевание печени, не предполагая летального исхода. Он умер в возрасте 54 лет от роду, не увидев ещё счастья своих 10 детей и не дождавшись внуков. Женат был только один Сеня на русской женщине Любке, в семье которой он снимал комнату, приехав в Москву. Отца такой брак очень огорчал, он был религиозным человеком и никак не мог примириться с этим. А знакомые ещё подзуживали его. Самой младшей в семье была Раи, ей было 11 лет. Все семь мальчиков уже работали на разных работах и в разных местах и учились. Две старшие девочки – Бетя и Оля – учились в техникумах, а Раи – в школе. Жили они на то, что Гриша, живя уже в то время в Америке, посыпал матери бобы на «торгсин» («торговля с иностранцами»). Мама сама там покупала необходимое для семьи и продавала кое-что знакомым, купленное там.

Yosif Bekker in Tsar's army. Russia, 1917.

25th wedding anniversary of Gita and Yosif Bekker with nine children, one orphan and photo of Grisha (George), 1928. First row: left to right: Orphan Liza, Mark, Lev, Aron, Sasha. Second row: Senya, mother, Arkadiy, father, Betty. Third row: Raia and Olga.

Seven brothers Bekker:
Lev, Mark, Senya, Grisha (George), Arkadiy, Sasha, Aron.
Leningrad, 1973.

Three sisters Bekker:
Olga, Betty, and Raia.
1946.

**Sofa with her mother-in-law Gita (Genya) Bekker.
1947, Riga.**

First row: Sofa, her sister-in-law Betty. Second row: Sofa's mother-in-law Gita (Genya) Bekker, cousin Emma, Aunt Sonia.Third row: Betty's daughter Mila, Sofa's children Inna and Joesph and Emma's granddaughter Lena. Riga, "dacha" on sea side.

ПАМЯТИ МОЕЙ СВЕКРОВИ

1 апреля 1986 г. исполняется 25 лет со дня смерти нашей мамы Гитель Моисеевны Беккер. Она родилась в 1879 г. в праздник Симхат-Тора и всегда, именно в этот день отмечала свой день рождения, а умерла на 83-ем году жизни, 1 апреля 1961 г., на вторые дни пасхи.

Умерла внезапно, как праведница, не болея и не мучаясь. В жизни она такая и была.

Мама родила и воспитала 10 детей: 7-х сыновей и 3-х дочерей.

Муж ее, религиозный еврей, умер сравнительно молодым человеком, на 30 лет раньше ее. Тогда самой младшей дочери было 11 лет.

Эта многодетная семья пережила Первую Мировую войну и революцию 1917 года.

Это было, конечно, не легко.

Но, несмотря на все лишения и трудности, несмотря на то, что мама была совсем неграмотная женщина, она сумела воспитать всех своих детей добрыми, честными и порядочными людьми, в большом уважении друг к другу и почитании старших.

Я, пишущая эти строки – невестка, жена четвертого сына мамы.

Но все мы, и невестки, и зятья, называли ее «мама».

Она, действительно, была настоящая мама, хотя физически никому из своих детей не могла помочь, как это принято в Союзе.

Тем не менее, мама у всех нас была на «пьедестале», как говорили все окружающие, пользовалась большой любовью, уважением и почетом.

Пять ее сыновей и два зятя были участниками Второй Мировой войны в борьбе с фашизмом, за что получили много наград.

Мама была необыкновенно умная, мудрая, добрая, уживчивая со всеми людьми, делала много добра всем, кто нуждался в этом, для каждого находила ласковое слово, старалась строить свои отношения так, чтобы всем было хорошо.

Например, нас, невесток и зятьев, она называла «процентами» от своих детей. И всегда говорила нам, что «проценты еще дороже, чем наличность».

Причем, говорила она по-русски очень плохо и перемежала русские слова с еврейскими.

Была она религиозной, и хотя были в семье невестки и зять другой национальности, мама не создавала проблем, любила всех одинаково и ко всем относилась хорошо.

Если она видела, что у ее сыновей или дочерей возникали семейные неурядицы, она всегда по хорошему, тактично сглаживая их, становилась на сторону невесток и зятьев и никогда не портила отношений с детьми.

Хотя я живу с мужем 49 лет, уже сама бабушка, но могу часами рассказывать о маме и всегда, в отношениях со своими детьми придерживаюсь маминой тактики.

Когда в Советском Союзе вышел указ о награждении орденом «Мать-героиня» матерей, родивших и воспитавших 10 детей, мама получила его.

У нашей мамы при жизни было 25 внуков и 1 правнук.

А сейчас наша семья состоит более чем из 100 человек, не считая уже ушедших в мир иной.

В Америке в настоящее время проживает 53 человека – членов нашей семьи, а остальные – в Советском Союзе.

И хотя прошло 25 лет со дня смерти мамы, мы часто ее вспоминаем с большой теплотой и любовью, рассказываем нашим взрослым детям и друзьям о ней.

Мы все шлем ей наши низкий поклон с сожалением, что не можем прийти на ее могилу в Ленинграде на еврейском кладбище.

Память о ней сохранится еще долгие, долгие годы.

Да будет ей земля пухом!

СВИДЕТЕЛЬСТВО
*Детям, внукам, правнукам
и праправнукам*

В ЗНАК
ГЛУБОКОЙ БЛАГОДАРНОСТИ

за бескорыстную помощь в строительстве
культурно-воспитательного центра
в г. Кирьят-Мал'ахи, Израиль

ПОМОЩЬ ОКАЗАНА В ПАМЯТЬ

*Ритель Моисеевны
Бенкнер*

Добрими делами бессмертен человек

תְהָא עַמְּצָרָה בֶּןְרוֹת הַחַיִּים

Presented in deep appreciation
of the contribution
to the cultural and
educational center
in Kiryat Mal'achi, Israel

СИМАН:
U.S.A.: 78 Pearl Street, New York, N.Y. 10004 • (212) 943-9690/1/2/3

АРКАДИЙ И ЕГО СЕМЬЯ

Кроме того, старший брат Марка – Аркадий, 1904 года рождения, переехал в Ленинград и стал работать на телефонном заводе «Красная заря», помогая матери с семьей. После смерти отца в 1933 г. Аркадий получил от завода 2-комнатную квартиру на Лесном проспекте в Батенинском жилом массиве, недалеко от завода, и перевёз туда мать с младшими детьми.

Для себя снял отдельную комнату на Петроградской стороне, но появлялся там редко, поскольку был постоянным представителем отдела снабжения завода «Красная заря» в Москве. Самый старший сын и брат, он был любимцем всей семьи – высокий, хорошо сложенный, со светлыми волосами, добродушным выражением лица и обаятельной улыбкой. Всем старался помочь во всем, никогда не повышал голоса. Будучи очень скромным, вежливым, тихим, ненавязчивым, малоразговорчивым, он пользовался большим успехом у девушек, но сам никогда не проявлял инициативы к завоеванию чьей-либо симпатии и любви для создания семьи. У него были в разное время увлечения женщинами, но они быстро заканчивались безрезультатно. По характеру работы Аркадий был знаком с инженером Борисом Клебановым, работавшим в Москве в министерстве. Борис познакомил его с сестрой, и в апреле 1937 г. они поженились, скромно, не устраивая никакого торжества для себя по поводу их бракосочетания. Они приехали в Ленинград на нашу свадьбу. Это было для них свадебным путешествием. Аркадию было к моменту женитьбы 33 года. Кетти, его жена, была его ровесницей. Хорошо сложенная, брюнетка с карими глазами, малоразговорчивая, с приятным голосом, пела, а по профессии была художницей прикладного искусства. Работала надомницей по разрисовке тарелок всю жизнь.

До женитьбы Аркадий снимал номер в гостинице как представитель ленинградского завода. Женившись на Кетти, переехал к ней в Столешников переулок №19, в полуподвалную квартиру. Её родители в то время были ещё живы. Затем они получили комнату в соседнем доме на Петровке № 21. Через год, 2 апреля 1938 г., у них родился сын, которого назвали Рафаилом в память отца Аркадия, у которого было два имени – Иосиф-Рафаил. Аркадий носил всю жизнь отчество Рафаилович, а все остальные братья и сестры – Иосифовичи.

Вся семья Беккер относилась к Кетти хорошо и с уважением, но все в душе понимали, что Аркадий не был с ней счастлив.

Пусть земля ей будет пухом, но она была не очень-то хозяйственная, неаккуратная и не сумела как женщина создать хороший дом и уют. Аркадий всю жизнь страдал. Её ничего не интересовало, ей ничего не нужно было, у них в доме никогда не бывали гости, они никогда не отмечали никаких торжественных дат или праздников. Если же Аркадий хотел проявить инициативу и купить что-нибудь необходимое в дом, то старался воспользоваться случаем, когда кто-то из родных приезжал в Москву и говорил Кетти, что «это привёз Марк в подарок, а это Лева». Иначе она сердилась и говорила, что ей ничего не нужно. Если же Аркадий хотел кого-то принять, то приглашал в ресторан, а не к себе домой. От всего этого он очень страдал морально, но, будучи человеком очень порядочным, не расходился с ней, не разбивал семью, тем более что очень любил сына.

В их жизни был эпизод, который произвёл на меня, да и на всех членов семьи Беккер, очень тяжелое впечатление. Но эта семья, будучи очень деликатной, никогда не упрекала её и не высказывала осуждения. А дело было так: после войны 1941-1945 гг. Аркадий по работе попал в неприятную историю, в результате чего получил 5 лет тюремного заключения и отрабатывал это время на заводе никелировщиком. Это было для него тяжелое и неприятное время. Кетти же отказалась от него, не писала ему, не поддерживала его морально и не помогала материально. Не носила передач и не приходила на свидания. Это самое жестокое, что может сделать жена в тяжелое время. Всё это делала вместо неё Бетти – старшая из сестёр, живущая в Москве, она же привозила к нему и сына, который был тогда ещё маленьким. Все предполагали, что после этого Аркадий уйдёт из семьи, когда освободится. Но он всё простил Кетти и жил с ней до самой смерти. Отбыв срок, остался работать на том же заводе никелировщиком до пенсии. А на пенсию там по вредности уходили раньше, в 55 лет. Чувствовал себя Аркадий хорошо, занимался спортом, вместе с сыном ходил на каток. К этому времени у них уже было две комнаты в коммунальной квартире в том же доме. В одной комнате жил отец Кетти, который не дожил нескольких месяцев до 100 лет и умер, а она с Аркадием во второй комнате.

Рафе они купили однокомнатную кооперативную квартиру, и это было большим счастьем для него. Он окончил школу, химический институт и поступил в НИИ в аспирантуру. Был очень хороший парень, с хорошими задатками. Хорошо относился к родителям, которые к тому времени стали болеть. У Аркадия была

болезнь Паркинсона, а у Кетти доброкачественная опухоль в турецком седле. Они становились всё менее подвижными, а Рафа было всё труднее за ними ухаживать. Зимой 1966 г. Рафа женился на лаборантке из своего института – Гале. Она круглая сирота и никаких родственников не имеет.

Мы с Марком приезжали из Риги в Москву на свадьбу. Приехали также большинство родственников из Ленинграда. Аркадий организовал свадьбу в ресторане «Пекин» в отдельном зале. Но меня тогда удивило, что Аркадий был сам в «затрапезном» костюме, черной трикотажной рубашке без галстука, а Кетти была в юбке с блузкой.

Через год у Рафы с Галей родился сын Павлик, и жили они все в Рафиной однокомнатной квартирке. Хотя у Гали была своя темная комната в коммунальной квартире, но поскольку дом был предназначен на снос, менять её не разрешалось, а им очень хотелось поменять Галину комнату и Рафину квартирку на двухкомнатную квартиру – семье из трёх человек, конечно, было тесно в одной комнате. С Галей Кетти не нашла общего языка, была с ней суха и не очень приветлива, не могла простить, что та ночевала и жила у Рафы в квартире ещё до свадьбы. Интересно, что хотя Рафина свадьба была в ресторане, но Аркадий просил Бетю, а не жену, приготовить дополнительно разные вкусные блюда: фаршированную рыбу, пирожки, мясо и другое. И характерно, что на другой день все родственники собрались у Бети в её маленькой тогда квартирке, а не у Аркадия. Это всё были элементы его неудавшейся семейной жизни, приносившие ему много морального страдания. Но всё равно к Кетти он относился с большим уважением и, по-видимому, никогда не выказывал своих чувств, своего недовольства.

Рафа защитил кандидатскую диссертацию. По натуре он был очень скромным человеком. Ему было нелегко во многом из-за болезни родителей – вынужден был разрываться между работой, семьёй и родителями, за которыми нужен был постоянный уход. В 1978 г. получил трёхкомнатную квартиру в новом районе, и в одну из комнат перевез родителей, не мог больше так разрываться. В доме у родителей была жуткая обстановка: клопы, грязь, поломанная мебель, кровати с продавленными пружинами, постельное бельё менялось очень редко. В последние годы Аркадий вообще не ложился в постель спать, не снимал с себя верхней одежды, мог целую ночь, полусидя на продавленном диване, дремать – неопрятный, немытый и небритый. Вот поэтому

Рафа и взял родителей к себе в новую квартиру, хотя Галя была, естественно, не очень-то довольна. А Рафа всё говорил, что «Я не могу всё это выдержать, я уйду на тот свет, наверное, раньше, чем мои родители».

Тем не менее, получив квартиру и взяв родителей к себе, он взял творческий отпуск для работы над докторской диссертацией. В 1978г. в начале августа, когда мы были в Москве перед отъездом в Америку, мы заехали к Рафе попрощаться с Аркадием и Кетти. Они оба сидели в чистой комнате, где стояли две чисто застланных кровати, оба седые, бледные, на обоих уже была «печать смерти». И, действительно, после нашего отъезда Кетти умерла в сентябре, а Аркадий через несколько месяцев после неё, по-моему, в феврале 1979 г., хотя оба они были не такие уж старые – им было лет по 75. Казалось, они сами освободились от мучительной, бесцельной и безрадостной жизни, потому что оба были в полном старческом маразме и освободили Рафу от больших трудностей и забот.

Рафа мог бы жить с семьёй и радоваться жизни. Но судьба распорядилась иначе и безмерно жестоко: в начале этого месяца, сентября 1983 г., мы получили письмо из Москвы, в котором нам сообщили, что 25 августа с.г. похоронили Рафу. Я не могу без слёз об этом писать, потому что он был один из любимейших племянников, да и возраст совсем не подходящий для смерти. Это довольно редкий случай. Он поехал с женой и сыном, которому, я думаю, лет 15, на юг в Сухуми. Я не знаю, что там произошло, но у него вдруг поднялась высокая температура и через два дня он умер. На самолёт привезли труп в Москву, сделали вскрытие, которое показало, что у него было кровоизлияние в мозг. Гроб с телом стоял в конференц-зале института, где он, по-моему, проработал 22 года. Он там защитил кандидатскую и докторскую диссертации, опубликовал более 100 трудов, пользовался большой любовью и уважением среди своих коллег, и вдруг такая нелепая смерть.

Очень жаль Галю и Павлика, не говоря уже о самом Рафе. Мой сын Жоз, узнав о его смерти, заплакал навзрыд, хотя он очень склонен к слезам и не плакал, наверное, с 3-х летнего возраста. То же самое и Инночка тяжело переживает эту смерть. Рафа был у моих детей любимейшим двоюродным братом. Особенно с Жозом у них было много общего и по работе и по мышлению. Мои дети, не сговариваясь, высказали желание помочь семье Рафы, если они, конечно, этого захотят, во всём, в том числе и в ма-

териальном отношении. Они очень любили его, так же как и он любил их. Об Инночеке он всегда говорил, что она его любимая сестра. Он даже не побоялся поехать на аэродром проводить её, а потом Жоза, а потом и нас, своих тетю с дядей.

Когда Рафе было 13-14 лет, Аркадий привозил его два лета подряд к нам на дачу на Рижское взморье. С тех пор мы его лучше узнали и полюбили всей семьей. Он был всегда вежливый, послушный, ненавязчивый, выполнял все устои в нашей семье. Наши дети были младше его: Инночка на три года, а Жоз на 7,5 лет. Тем не менее, он относился к ним как к равным.

Помню такой эпизод: наши дети должны были спать после обеда. Я предложила и Рафе ложиться отдыхать. Но хоть он сказал, что никогда не спал днём, тем не менее, выполнял наш распорядок и даже засыпал. Однажды дети попросили разрешения пойти после обеденного сна в кино, и я согласилась. Но Инночка разбаловалась и не заснула. Когда Жозик и Рафа проснулись и спросили, можно ли пойти им в кино, я им разрешила, но сказала, что Инночка не пойдёт, так как я её наказала. Тогда Рафа ответил, что и они не пойдут. Это из солидарности с ней он проявил такое благородство уже в раннем возрасте. Этот эпизод запечатлелся у меня на всю жизнь. Мы все очень тяжело переживаем смерть ещё такого молодого человека в расцвете сил, такого хорошего, отзывчивого и доброго. Какая несправедливость судьбы! И за что Рафе такое наказание? Инночка позвонила в Москву дяде Сене и выразила от всех Беккеров соболезнование Рафиной жене и сыну и всем родственникам в Москве и Ленинграде. Очень печальный конец семьи самого старшего и любимейшего всей семьей брата Аркадия. Но как видно такова воля судьбы, а от неё никуда не уйдёшь!

Arkadiy and Mark. Moscow.

Arkadiy with wife Kettie and brother Senya. Moscow.

Arkadiy's son Rafail with wife Galia and cousin Zhora. Moscow.

**Arkadiy's son Rafail with wife Galia and grandfather Klebanov.
Moscow.**

**Arkadiy's grandson – Rafail's son Pavel with mother Galia.
Moscow.**

**Arkadiy's grandson, Rafail's son – Pavel Bekker, and Betty's
daughter Ira meeting Joyce Rifkind and Inna Bakker in Moscow,
2002.**

ГРИША И ЕГО СЕМЬЯ

Второй по старшинству в семье Беккер – Гриша, 1905 года рождения. Как я всегда говорю: у них все братья умные, но Гриша, по-моему, самый умный. Он понял сущность Советской власти, будучи совсем молодым, вскоре после революции. Когда закрылись гимназии, он вынужден был прекратить учёбу, начал работать на разных работах: по окраске городских столбов и т.д. В то же время поступил в театральную студию при кинофабрике, всегда мечтал стать киноактёром. Он списался со своим приятелем по фамилии Оржиć, который уехал после революции в Китай в город Шанхай. И Гриша задумал тоже уехать в Шанхай. Он дважды намеревался уехать морским путём вместе со следующим братом, третьим по счёту – Сеней, но попытка не удалась. Тогда решил проделать это сухопутным путём. Поехал поездом до Благовещенска, там перешёл границу зимой по льду замерзшего Амура. Добравшись до Шанхая, поступил работать в гастрономический магазин подсобным рабочим.

Шел 1923 год. Он много и тяжело работал, спал прямо в магазине под прилавком и, будучи выходцем из большой семьи, очень тосковал в одиночестве. Позже рассказывал, что временами готов был бросить всё и вернуться к родным в Советский Союз. Но он был достаточно умён, чтобы удержаться от неверного шага. Иначе вся его жизнь была бы исковеркана, и он погиб бы где-нибудь на Севере в концлагерях.

Прожив несколько лет в Китае, Гриша решил переехать в Америку. Всех сбережений хватило только на билет первого класса на пароходе. Он это сделал в целях популяризации своей фамилии, с учетом будущих деловых связей. Тогда фамилии пассажиров первого класса печатались в прессе, и предполагалось, что такой пассажир – богатый деловой человек. Приехав в Сан-Франциско, поступил работать продавцом в гастрономический магазин, имея уже опыт работы в Китае. Проявив недюжинные способности в бизнесе, стал сначала совладельцем, затем компаньоном, а потом и владельцем магазина. Для того чтобы скопить деньги, жил очень скромно, экономил на всём, как, кстати, все американцы.

По приезде в Америку учился, изучал английский язык, без которого работать было невозможно. Освоив английский язык, Гриша поступил в колледж и занимался освоением бизнеса по покупке и продаже недвижимости и строительству домов – Real Estate. Имея хорошую голову, он очень преуспел в этом деле. Же-

нился он на американке, родители которой были тоже выходцами из России. Это было, по-видимому, в 1936 г., ему тогда был 31 год. Он сначала создал материальную базу, а потом уже семью.

Жена его, Джейн, родила четверых детей: старшую дочь Джойс – в 1939 г., сына Эдуарда – в 1941 г., сына Дана – в 1945 г., и дочь Беверли – в 1949 г.

Это была хорошая большая семья, материально хорошо обеспеченная. Дети после школы учились в университетах. Старшая дочь окончила политический факультет и вышла замуж в августе 1959 г. за фармацевта. Они открыли свою аптеку, которая приносила хороший доход и обеспечивала безбедное существование. В семье дочери двое детей: сын Лени и дочь Джули. Старший учится в университете, а младшая – в школе. Все Гришины дети получили высшее образование, окончили университеты. Все они довольно состоятельные, материально обеспеченные люди, но в жизни очень скромные, ничем не кичатся, не швыряются деньгами и, где возможно, даже экономят их.

Второй сын Гриши – Эд – женился на Снукки. У них тоже двое детей: старшему сыну Аарону два года назад отмечали очень пышно бар-мицву, младшей дочери – 12 лет.

Третий по старшинству сын Гриши, Дан, учился в университете вместе с будущей женой Шеррон. Они много лет дружили и жили вместе, но не регистрировали брак. И только после того как Гриша, будучи очень умным, добрым и хорошим человеком, стал говорить сыну, что нельзя губить молодость девушки – нужно либо жениться, либо расстаться, они оформили брак официально, прожив вместе более 10 лет. Потом они решили, что детей им не нужно. Шеррон работала очень успешно программистом-консультантом. Но к 37 годам (они ровесники) всё же решили обзавестись ребёнком, и в мае 1981 г. родилась их дочь Хана, в которой они, конечно, души не чают.

Когда младшей дочери Гриши, George, было 11 лет, он разошёлся с первой женой, прожив уже с ней более 25 лет и отметив серебряную свадьбу. Он объяснил нам, что ему было очень тяжело с ней, она была психически неуравновешенна и всегда старалась его поддевать и подсмеиваться над ним. Он всё надеялся, что чем больше детей у них будет, тем мягче она станет, и жизнь наладится, но этого не случилось. Они разошлись.

Не знаю точно, но, возможно, здесь сыграло немаловажную роль то, что, играя вечерами в клубе в карты, в покер, он познакомился с одной дамой, Эллен, на которой вскоре после развода

и женился. Она была вдовой дипломатического работника, матерью трёх дочерей, уже взрослых и самостоятельных. А у Гриши трое старших детей тоже уже были самостоятельные, самой младшей, Беверли, было 11 лет. Всё имущество суд разделил пополам по американскому закону.

Беверли на суде изъявила желание жить с отцом, но Эллен не захотела этого. И тогда её решили отдать в пансион, потом в частную бездетную семью на воспитание за деньги. Для неё это было тяжело, и тогда её взяла к себе старшая сестра Джойс. От распада родительской семьи больше всех пострадала самая младшая Беверли. Но года через два первая жена Гриши умерла от рака мозга, и ее часть состояния, полученного при разводе с Гришей, перешла по наследству всем четырём детям. Причем Беверли была ещё несовершеннолетней, и согласно завещанию получала только проценты ежемесячно на мелкие расходы, а распоряжаться всем наследством сможет после 30-32 лет, то есть когда будет замужем.

Это было сделано для того, чтобы молодые люди, пожелав на ней жениться, не соблазнились её богатством. Беверли вышла замуж за американца-христианина, работавшего в той же школе учителем труда.

Прожив с мужем более 10 лет, она поняла, что они совсем разные люди, с разными интересами и решила разойтись. Инициатива, по-моему, исходила от Беверли. Сейчас их дело в процессе развода. Джон претендует на часть дома, потому что вложил туда много своего труда, хотя куплен он был на средства Беверли. Беверли же как будто раскрепостилась, очень изменилась, похорошела, стала лучше одеваться, следить за собой, пользоваться косметикой, и у нее много интересных поклонников.

Ей 33 года, и она в расцвете сил. Один из её поклонников – врач, еврей по национальности, никогда не был женат, интересный человек. Дай Бог ей счастья!

Все Гришины дети очень милые, приветливые и доброжелательные. Они познакомились с нами, родственниками из России, не сразу, а несколько лет назад. И это было очень правильно. Когда мы спрашивали у Гриши, почему он не знакомит нас со своими детьми, он отвечал: «Ещё познакомитесь, всему свое время». Он, конечно, был прав. Когда наша молодёжь, да и мы все, встали более менее на ноги, тогда первым приехал в Н.У. сын Гриши Дан с женой. Пообщались они со всей семьей.

Мы все уже говорили по-английски, кто лучше, кто хуже.

Они увидели и восприняли нас в наилучшем свете. Все им очень понравились. Вернувшись в Калифорнию, они поделились с братьями и сестрами впечатлениями о родственниках из России, и всем остальным захотелось познакомиться с нами. Они приезжали в Н.Й. и с удовольствием общались с нами. Чаще всего они общаются с Иннокой – у них много общего в разговорах, в общении, мнениях, Инноке очень нравятся американцы, она любит Америку и стремится познать её как можно лучше и больше.

Что же касается самого Гриши, то он хоть и стал настоящим американцем, но с лучшими задатками семьи Беккер. Он умный, добрый, мягкий человек. Все дети его очень любят и относятся с большим уважением. Всю жизнь он помогал матери, а после её смерти и всем своим братьям и сестрам, посыпая всем по посыльке в год. Он как-то сказал Инноке, когда она уже жила в Америке, что считает своей миссией свыше помогать семье. Ведь всем старшим братьям хотелось вырваться из Советского Союза на Запад, но удалось лишь ему одному. Возможно, поэтому он преуспел в жизни больше остальных братьев.

Он здесь никогда не боялся НКВД или ОБХСС, потому что здесь бизнес не осуждался, а считался нормальным явлением. Летом 1959 г. Гриша впервые приехал в Союз как турист, он 34 года не видел мать. К счастью, она тогда ещё была жива, и её радости не было предела, когда, наконец, увидела старшего сына. Он очень боялся ехать, его все пугали, что ему могут подстроить любую провокацию, поэтому он приехал со своим другом, представителем или владельцем туристического бюро, который должен был заключить контракты с соответствующими организациями в Союзе о взаимных туристических поездках.

И как Гриша нам сказал тогда, даже президент США был поставлен в известность о его поездке в СССР. И если бы советские власти совершили над ним какой-нибудь акт насилия, то президент был бы поставлен в известность и принял меры к его освобождению. Но, слава Богу, всё обошлось нормально и благополучно.

Приём Грише был оказан такой, какой могут оказать, наверное, только в России. Поскольку он указал, что у него в Москве проживает родная сестра Бетти Дворкина, её вызвали в соответствующие органы и спросили, хочет ли она, чтобы приехал брат. Она, конечно, ответила положительно. Потом она получила письмо от Гриши с указанием даты прибытия в Москву и что его встречать не нужно, он сам позвонит из гостиницы. Все братья и

сестры приехали в Москву его встречать. Как всегда, собирались у Бетти в её маленькой квартирке на ул. Горького рядом с телеграфом. Всем очень хотелось повидать Гришу, но никто не знал, откуда он приедет или прилетит.

Все что-то выясняли, звонили по телефону, ездили на разные вокзалы к поездам, приходящим из-за границы, но всё было безрезультатно. Мы с Марком и Жозиком, которому тогда было около 14 лет, тоже приехали в Москву для встречи с Гришой. А Инночка осталась в Риге, она готовилась поступать в медицинский институт. Марк решил снять для нас номер в гостинице «Москва», у Бетти было слишком много народа. Как известно, в гостиницах в Союзе никогда нет свободных номеров или их дают «по блату» – по знакомству и за «взятку», то есть заплатив отдельно администрации. Марк стоял в очереди, было объявлено, что свободных номеров нет. Вдруг услышал знакомый голос, оглянулся и видит: стоит мужчина, небольшого роста, со светлыми волосами, в стареньком плащике и соломенной шляпе. Но он увидел в его лице что-то такое родное и близкое, что не удержался и спросил: «Гриша?» И они бросились в объятья друг другу.

Когда Гриша получил номер, то предоставили номер и Марку. А пока шло оформление, Марк позвонил Бете и сказал, что уже встретил Гришу, который просит всех прийти к нему в гостиницу, что мы и сделали. Это была совершенно изумительная встреча. И хотя Гриша 34 года не видел братьев и сестёр, он всех узнал, всех назвал по именам, сразу разобрался, кто чья жена, чей муж и кто чьи дети. Сразу запомнил все имена, был такой близкий и родной, что у нас, увидевших его впервые, было впечатление, будто знали друг друга всю жизнь, а у братьев и сестёр – что они и не расставались.

Побыв несколько дней в Москве, все полетели одним рейсом в Ленинград, к маме. В ресторане аэропорта вся семья Беккер заняла длинный центральный стол, чтобы позавтракать. И хотя Гриша сказал, что за всех заплатит долларами, однако, оказалось так дорого, что мы решили сами заплатить рублями. В Ленинграде Гриша снял номер в гостинице «Астория», им дали две машины – ему и его другу, и мы все поехали на дачу к Леве, на станцию Лисий нос, где тогда жила мама. Встреча мамы с сыном после 34-летней разлуки была очень трогательной, нежной, но без слёз и рыданий! Мама была очень выдержанная женщина.

Собralась вся большая семья Беккер. Это было большое со-

бытие. Я всегда говорю, что каждая встреча всей семьи прибавляет 10 лет жизни.

Стол был накрыт на большой террасе такой обильный и красивый, что Гриша и его друг были потрясены. Они сфотографировали его до того, как все уселись. Подавались самые разные блюда одно за другим. Покойная жена Левы Валя была хорошая кулинарка, её отец, гостивший тогда на даче, был известный в Ленинграде кондитер в лучших ресторанах. И он приготовил клубничный торт из ягод, собранных в саду на даче. Торт был величиной в полстола и необыкновенно красивый. Его тоже фотографировали.

А Гриша вёл себя очень просто и скромно, и хотя он был уже тогда богатым человеком, но не кичился этим, рассказывал о себе немного, в основном, отвечал на вопросы всем, кто интересовался. О себе рассказал, что у него строительный офис, занимается строительством больших и маленьких домов, затем часть из них продаёт, а часть сдаёт в аренду. У него свой дом в пригороде. На вопрос, сколько в нём комнат, он насчитал 12, а потом сбился со счёта. Насчёт питания сказал, что в доме есть кладовая, в которой хранятся сотни консервированных банок с продуктами.

Жена его очень любит играть в карты. Она играет с приятельницами и приходит домой за полчаса до ужина, то есть до прихода Гриши домой. Открывает баночки с консервами, разогревает – и ужин готов. Одному из своих сыновей он платил доллар, чтобы тот мыл посуду в моечной машине. Убирать дом, по-видимому, приходила уборщица. В то лето 1959 г. его старшая дочь Джойс выходила замуж, но подготовку к свадьбе организовали нанятые для этой цели люди. Конечно, члены семьи не стояли на кухне и не парились.

Гриша остался очень доволен поездкой в Союз, так как после этого начал приезжать каждые 2-3 года в Москву и Ленинград, а один раз был и в Одессе – в своем родном городе. И каждый раз все съезжались и собирались вместе, и это был большой праздник. Как-то раз он приехал с первой женой и двумя младшими детьми: Даном и Беверли. Им тогда было лет 14 и 10, наверное. Потом он написал, что разошёлся с женой. А в следующий раз приехал со второй женой Эллен, и после этого приезжал с ней несколько раз. В последний раз он был с ней в Союзе в 1973 году в июле, приплыв пароходом.

О политике он почти никогда не говорил, никого не агитиро-

вал уехать из Союза, но на вопрос, почему не приглашает никого к себе, ответил: «Вы все, живя в Союзе, довольны своей жизнью, а если вы приедете в Америку и увидите другую жизнь, у вас испортится настроение».

Тем не менее, когда началась эмиграция, молодёжь из нашей семьи тоже поднялась. Все собирались ехать в Израиль, но когда появилась возможность поехать в Америку, то первыми уехали из Ленинграда дети Клары и Саши: Миша с Беллой и с ребёнком и Ада с Толей и с ребёнком, и повернули вместо Израиля на Америку. Гриша был не очень доволен, но, будучи очень деликатным человеком, не высказывал особенно своего мнения.

Он считает, что молодёжь должна сама добиваться всего в жизни. Он помнит, как тяжело ему было самому в молодости, с каким трудом добился благополучия. Но всё равно до сих пор очень расчетливый и экономный. Он, например, в основном, всё покупает на «сейлах», на распродаже. Книги покупает в мягких обложках, потому что они дешевле, а когда его старший сын Эд подсмеивается над ним, отвечает: «Это потому, что я вырос в бедной семье и привык экономить, а ты вырос в богатой семье и поэтому можешь позволить себе покупать книги дорогие, в твердых обложках».

Или другой пример: в один из приездов в Союз Гриша спросил, нет ли у кого-нибудь из нас двухкопеечной монеты, так как ему нужно позвонить из телефона-автомата. Ни у кого не оказалось, и тогда младший брат Саша дал ему 10-копеечную монету и сказал, что она тоже проходит. Гриша пришел в ужас: «Как же можно так бросаться деньгами, ведь это же нужно 8 копеек выбросить на ветер!» Он понимал, что все наши в Союзе подтрунивали над его бережливостью, и как-то сказал Инночке, когда она уже приехала в Америку: «Если бы я в жизни не был такой бережливый, то я не был бы теперь богатый и не мог бы вам помогать!»

В один из его приездов в Нью-Йорк Инночка увиделась с ним вечером накануне его отъезда, но на следующий день взяла такси и поехала на аэропорт проводить его. Узнав, что она приехала на такси и заплатила 18 долларов, он пришёл в ужас: «Как можно быть такой расточительной?! Истратить так много денег, чтобы поговорить ещё 15 минут!» А Инночка ожидала, что ему будет приятно, и он её похвалит за такой жест! Это черты его характера.

Но вообще, он, конечно, чудесный человек, и вся семья его

ценит и любит, потому что таких американских родственников не так-то уж часто можно встретить. Он столько лет был в разлуке с родными, но не отвык от них, а наоборот, всех помнит и знает, старается помочь в беде и в трудную минуту, хочет быть в курсе всех дел и жизни всех – как живущих в Америке, так и в Союзе. И мы все, конечно, желаем ему здоровья и долголетия. Он этого заслужил всей своей жизнью и добротой. Да благословит его Бог!

Grisha (George) with his children.

Grisha Bekker with his mother and Mark. 1959, Leningrad.

**First visit of Grisha to see his mother and family after 34 years.
1959, Leningrad, dacha of Lev Bekker.**

First row left to right:
Senya, Mark, Grisha,
Arkadiy, Lev, Sasha,
Olga, Kettie, Klara.
Second row: Fira,
Sofa, Joseph, Betty,
Mila, Ira.

Lev, Mark, Sofa, Sasha,
Olga, Marik, Joseph,
Klara, Grisha, Senya.

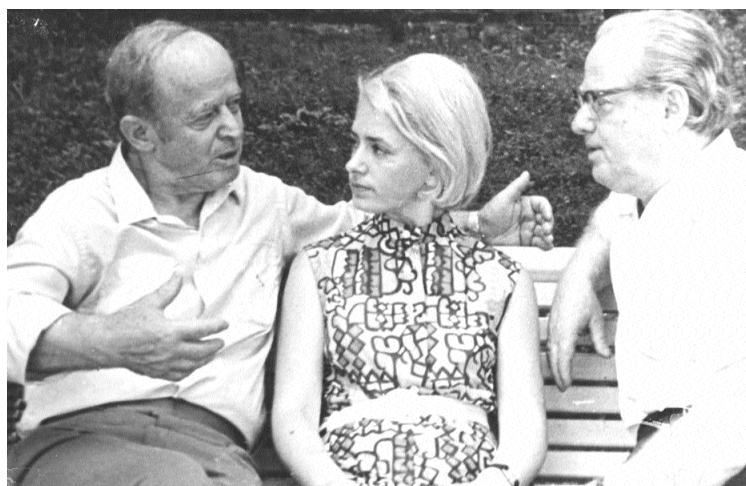
Grisha Bekker with his wife Elaine visiting family in Russia from America every 2 years. First Row: Zhora, Sasha, Klara, Semen, Arkadiy, Aron, Sofa, Mark, Inna, Senya, Sergey, Raya, Marik, Lev, Bella. Second Row: Olga, Fira, Betty. Third row: Yana, Leva, Lena.

Senya, Aron,
Grisha, Arkadiy,
Lev. Russia

Inna talkiing about emigration with Grisha.

Leningrad. Summer, 1973.

**Meeting at the airport.: Joyce, Gary, Inna, Ilya, Sofa, Mark.
1980, New York**

Joyce with Sofa and Mark. New York.

**Inna's last photo with Grisha. 1994, San Diego.
Beverly, Lauren, Shayna, Helen.**

**Grisha's children and grandchildren
at the wedding of Jennie and Michael. November, 11 1998, Maui.
Sharron, Joshua, Hanna, Jenny, Michael, Snookie, Ed, Aaron, Joyce,
Mark, Gary, Inna, Elsie, Alex, Len, Jessica.**

СЕНЯ И ЕГО СЕМЬЯ

Сеня, третий брат Марка, 1906 года рождения, в детстве обладал приятным голосом, и родители мечтали, чтобы он стал кантором в синагоге. Он был любимым внуком у бабушки по отцовской линии. Но революция смешала всё. Окончив несколько классов гимназии (7 классов), он на этом прекратил своё образование. Бегал на базар, помогал отцу в торговле и крутился в деловом, торговом мире и, как все мальчики в то время, торговал газетами, трамвайными билетами и др., чтобы заработать на мелкие расходы. После отъезда отца в Москву вскоре последовал за ним и там тоже помогал ему. В детстве, катаясь на буфере трамвая, Сеня неудачно соскочил, упал и вывернул себе ногу. Это оставило след на всю жизнь, и даже во время войны был признан ограниченно годным – только к нестроевой. Став постарше, пошёл учиться на курсы экономистов. Голова у него была хорошая. Он был умён, изобретателен, разбирался в технике, много читал и был довольно эрудирован. Все эти качества он сохранил и по сей день.

Приехав в Москву, снял комнату в русской семье, в доме у Брянского вокзала. У хозяев была дочка Люба, 16 лет, круглоголовая, краснощекая блондинка с типично русским лицом. Он вступил с ней в связь, будучи совсем молодым юношей, лет 20, и прожил с ней 18 лет. Как я уже писала, очень тяжело переживал эту связь его отец, ортодоксальный еврей. Сеня был одним из его любимцев.

По окончании курсов экономистов Сеня работал на стекольном заводе под Москвой, там изготавливали колбы для разных радиоламп, в том числе и для Ленинградского завода «Светлана». Между этими заводами постоянно возникали споры по поводу боя колб при транспортировке. Сеня изобрёл и сконструировал специальную тару для уменьшения боя при железнодорожной транспортировке. Для проверки конструкции новой тары он выехал в Ленинград на завод «Светлана», чтобы присутствовать при разгрузке вагонов и определить фактический процент боя по вине стекольного завода. Эффект новой тары был настолько большой, что стекольный завод перестал терпеть большие убытки, а потребители заинтересовались конструктором и пригласили Сеня перейти к ним на завод работать. Тогда он вместе с Любой переехал в Ленинград и снял комнату в доме на Лесном проспекте, где уже жила мама с остальными членами семьи. На заводе «Светлана» он проявил свои рационализаторские спо-

собности и пользовался большой популярностью и уважением.

Но всё это не приводило к улучшению его материальных и квартирных условий. Хотя завод и обещал предоставить квартиру, но это были обещания. Все годы в Ленинграде он мучился, снимая комнату у чужих людей или проживая в квартире матери в углу, отгороженном простынями. По этой причине он перешел на завод «Красная заря», где произошло то же самое.

Он занялся модной в то время организацией нового производства в местной промышленности товаров широкого потребления, изготовлением металло- и кожгалантереи. Но к началу войны, в 1941 г. Сеню арестовали в связи с нарушением правил производства. Прожив 10 лет с Любой, только после нашей свадьбы они решили оформить брак. Детей у них не было, но, видимо, они любили друг друга. Характер у Любы был очень крутой, и даже её подруги, русские женщины, говорили ей, что если бы у неё был муж русский, он был бы её по несколько раз в день. А с Сеней они ссорились в меру, и он всегда нежно называл её «Любца». Но когда началась война, её как бездетную молодую женщину призвали на трудовые работы – рытьё окопов вокруг Ленинграда. Все члены нашей семьи уже тогда эвакуировались, в том числе и мама. И она осталась одна в маминой квартире, а мы с родителями жили в том же дворе. Встречая меня с грудным ребёнком на руках во время обстрелов и бомбёжек, она вела такие антисемитские разговоры, что я тогда решила для себя, что если мы останемся живы после этой войны, её ноги в доме не будет. А если Сеня захочет бывать у нас, то только без неё. Она, например, уже слово «еврей» не применяла, а только – «жиды». Она мне говорила: «И почему это вас все так ненавидят?» или «Ты знаешь, мне девчонки на окопах говорят: «Ты лучше порви паспорт, потому что придут немцы и расстреляют тебя из-за того, что ты столько лет жила с жидом». А ещё до отъезда мамы она ей говорила: «Я бы вас собственными руками задушила!» Но тем не менее, когда я рассказала об этом Сене, он мне не поверили. В начале войны он был в лагере в районе Тихвина, вскоре его освободили и призвали в армию, в ремонтный батальон в этом городе. Там он сблизился с женщиной-врачом. Но когда Люба каким-то образом узнала об этом, то сказала, что знать его не хочет, пусть только поможет ей перебраться в Москву к родителям. Это было уже в конце войны после блокады Ленинграда. Он выполнил её просьбу. В то время был разговор, что у неё оказалось какое-то расстройство психики.

Кончилась война, и Сеня, не имея даже квартиры, приехал в Москву, где в то время жила мама у Бети. Он снял угол у жены своего знакомого, погибшего на фронте. Звали её Ева. Она была одних лет с Сеней. У неё было от первого брака двое детей: сын Миша и дочь Раи – подросток. Сеня вступил в связь с Евой, и она забеременела. Он рекомендовал ей сделать аборт, не собираясь на ней жениться, но маме хотелось, чтобы у Сени была жена-еврейка и дети. Она ей не советовала делать аборт, считая, что если родится ребёнок, то он на ней женится. Она родила сына Марика в 1946 г., а через полтора года второго сына – Леню. Но Сеня продолжал с ней жить, не оформляя брак, правда, обоих усыновил, и они носят фамилию Беккер. Он всю жизнь заботился о них: ходил в школу, отправлял в пионерские лагеря, одевал и обувал, они всегда чувствовали, что у них есть отец. Ева поправилась, похорошела, стала красивой женщиной, Сеня к ней относился хорошо.

А Люба продолжала его любить, да и он к ней относился с теплотой, изредка встречался, делал подарки и т.д. И когда ещё был только один Марик, она даже предложила, чтобы он забрал у Евы ребёнка и вернулся к ней вместе с мальчиком. Но он отказался это сделать. Ведь Люба сама отстранила Сеня от себя. В Москве после войны Сеня опять занялся организацией мелкого производства галантерейных изделий. Это давало тогда приличный материальный доход. Но всегда был риск попасть в руки ОБХСС и в тюрьму. Но вот в один из таких опасных моментов он ушёл из дома Евы к друзьям – Яну с Фирой и находился какое-то время у них. Это была ещё довольно молодая, но бездетная пара. Сеня, будучи очень мягким, добрым, любвеобильным человеком, пользовался успехом у женщин. Он сблизился с Фирой, она забеременела и родила дочку Владу.

Последняя запись была сделана 17 сентября 1983 г. в кемпинге «Годдарт». Всю зиму не писала, была постоянно занята другими делами. Но с началом этого лета и пребывания в кемпах решила более активно взяться за продолжение написания этой «саги».

Итак, о Сене.

Последняя запись о нём была о его связи с Фирой и рождением дочки Влады. Это было в 1951 г. Ян, конечно, ничего не подозревал и был счастлив, считая, что это его дочка. Между тем, во время рождения Влады Сеня находился в Риге и жил у нас, спасаясь от угрозы попасть в руки ОБХСС, иначе новый срок не миновал бы его. Он рассказал, что у друзей родилась дочка, у

них много лет не было детей. Но потом по некоторым его выскакиваниям и по его вниманию к Фире я поняла, что он причастен к рождению девочки. Любовь втроём продолжалась, и через 3 или 4 года родился у Фиры мальчик Гриша. Это было уже в 1954 г. – Сене было в это время 48 лет, а Фире – на 12 лет меньше, т.е. 36 лет.

Но в это время всем стала понятна ситуация в обеих семьях и нужно было на что-то решаться. Фира стала требовать развода у Яна на том основании, что дети не его, и он их не способен иметь. Это считается очень важным мотивом, когда женщина хочет иметь детей – и суд развёл их. Но примерно в то же время Ян был арестован, так как занимался бизнесом, запрещенным в Советском Союзе. Сеня полностью перешёл к Фире, а Ева, оставшись одна, начала ездить с передачами в тюрьму к Яну.

В результате, когда он освободился из тюрьмы, они поженились, и он перешёл жить к Еве. Старший сын Евы от первого брака, Миша, был артистом-конферансье. Был женат на русской женщине Капитолине, или сокращенно Капа, и у них был сын. Когда сын был уже взрослым, они разошлись, и она сошлась со сводным братом своего мужа Мариком, то есть сыном Евы и Сени, а потом они поженились, хотя Марик намного моложе её. Они живут и по сей день. Общих детей у них нет. Дочь Евы от первого брака, Рая, вышла замуж за польского парня, спасшегося во время войны из гетто, будучи мальчиком. Вся его семья погибла.

Он был совершенно одиноким. Мы с Марком ездили в Вильнюс на его свадьбу по просьбе Сени. Это было, я думаю, в 1952 году, в начале мая. Через год у них родился сын. В 1956 г., когда мальчику было года три, им удалось уехать в Израиль всей семьёй. Эмиграции ещё тогда не было, но из Вильнюса и Польши евреям понемногу удавалось уезжать. В Москву к Еве приходили от её дочери Раи очень тяжёлые письма. Я читала одно такое письмо, где она проклинала тот час, когда решила уехать. Они были молодые ребята без специальности. Рая была беременна вторым ребёнком, которого родила в Израиле. Их поселили в бараке из жести, который очень накалялся от солнца, так что нечем было дышать. Работу долго не могли найти, и они буквально голодали.

В то время Израиль ещё не оказывал эмигрантам никакой помощи. Но со временем, когда дети начали подрастать, она их отдала в детский сад, и сама устроилась работать на кухне, и они

хоть были сыты. Её муж со временем тоже устроился на какую-то чёрную работу. Намучились они ужасно. Но, в конце концов, жизнь стала улучшаться и, насколько мне известно, они даже открыли кафе, где работали сутками, очень тяжело. Зато их материальное положение резко изменилось. И я знаю, что через много лет, не помню только в каком году, они даже пригласили Еву приехать к ним в гости. Думаю, что это было в 1975 г.

Вернувшись в Москву, Ева рассказала, что ей в Израиле не понравилось. Конечно, Израиль тогда ещё не был таким, как теперь.

Это я написала о детях Евы от первого брака. Что же касается двух сыновей от Сени – Марика и Лени, то они подросли, окончили 7-8 классов и начали работать. Они стали механиками по лифтам, работали в гостинице «Россия» в Москве, оба отслужили в армии. Но, работая в гостинице, старший, Марик, попал в тюрьму за валютные операции и отсидел несколько лет. После освобождения в Москве его не прописали, то есть не дали разрешения на проживание там. Он жил и работал где-то за 100 км от Москвы, а в выходные дни приезжал в Москву. Был, конечно, после тюрьмы голый, босой, ничего не имел. У Евы была своя жизнь с Яном, у Сени – своя. Они, конечно, старались ему помочь материально. В результате он сошёлся с Капой. Ева же вскоре неожиданно умерла. Это было ещё до женитьбы Марика. Умерла она после операции. Всё, что отдал Ян, разделили между тремя сыновьями, а часть вещей Ян считал принадлежащей ему.

Лёня, младший сын Евы и Сени, отслужив в армии под Ригой, женился, но через несколько месяцев разошелся, а вскоре женился вторично на красивой, хорошей русской девочке Наде. У них родилось два сына. При помощи родителей Нади купили в новом районе Москвы трёхкомнатную кооперативную квартиру. Хотели уехать в Америку, но уже почти 10 лет получают отказы из-за того, что Леня служил в армии в ракетных войсках, хотя и был простым солдатом. Но в Советском Союзе и этого достаточно, чтобы получить отказ.

Что же касается Сени, то он больше чем полжизни мучался, не имея жилья. Лишь когда сошёлся с Фирой, и у них было уже двое детей, он получил маленькую двухкомнатную квартиру в новых домах на бульваре Карбышева. Квартира, где Фира жила с Яном, – практически сарай без всяких удобств, даже воду носили вёдрами откуда-то. Новую квартиру он получил, потому что в то время работал фотокорреспондентом какой-то газеты.

Сначала они были счастливы, но дети стали подрастать. Дочка Владочки вышла замуж, родила ребёнка. Сын Гриша, окончив 7-8 классов, пошёл работать, да и Сеня с Фирой работали. Спали они со взрослым сыном в одной проходной комнате, а Влада с мужем и ребёнком – в узенькой маленькой комнате. И вот 5 взрослых человек и ребёнок утром в очереди в совмещённый туалет с ванной. Раздражение, ругань – портят друг другу нервы и здоровье.

После работы фотокорреспондентом Сеня стал работать таксистом в Москве и с этой работы ушёл на пенсию. Но пенсия была маленькая, и жить было тяжело. Тогда он решил организовать мастерскую, изготавливающую пуговицы. Там он проработал несколько лет и заработал себе наивысшую пенсию 120 рублей. Фира же работала в ортопедической поликлинике, и с наступлением пенсионного возраста тоже вышла на пенсию.

Влада вышла замуж за русского парня, члена партии, Юру Малива в 1971 году. У них родился мальчик Миша. Но ужиться было трудно, особенно в таких тяжелых квартирных условиях, и через несколько лет совместной жизни они разошлись. Влада училась на вечернем отделении института и работала, закончила институт. Но, по-моему, по специальности никогда не работала. Наверное, в 1980-1981 г. вторично вышла замуж за очень хорошего человека из Винницы и, конечно, тоже привела его в квартиру своих родителей. Так уж водится в Советском Союзе, семьи увеличиваются, а квартирные условия улучшить очень трудно. Она забеременела вторым ребёнком и так как она много лет стояла на очереди, то ей предложили двухкомнатную квартиру. Но теперь есть положение, что если в семье двое детей, то положена трёхкомнатная квартира. Вот она и хотела получить три комнаты. А ей сказали: «Сначала родите, а потом получите три комнаты». Она стала ждать и в результате то ли родила мертвого ребёнка, то ли он сразу умер, и пришлось ей соглашаться на двухкомнатную квартиру. А через некоторое время она опять забеременела и родила девочку Инночку. А квартира-то двухкомнатная. Вот так!

А самый младший сын Сени и Фиры, Гриша, в 1975 году, в возрасте 21 года уехал в Америку. Сеня с Фирой надеялись, что и они уедут с остальными членами семьи, но муж Влады не давал разрешения на отъезд сына Миши, и так они и остались все в Союзе. А Сеня сейчас уже не в том возрасте, чтобы начинать новую жизнь, да и здоровье его и Фиры значительно ухудшилось

с годами. Так что вряд ли они теперь решатся на отъезд, да и эмиграция прекратилась.

Что же касается Гриши, их сына, то он приехал к нашей дочери Инне, это было желание его родителей. Жил у неё четыре месяца на всём готовом. Копил деньги, а это он умеет делать. Работал по специальности, в часовой мастерской, потом таксистом. Женился на молодой женщине с ребёнком, меньше чем через год разошелся. Затем женился вторично. Родился у него сын. Но так как характер у него непростой, то отношения со всеми родственниками у него испорчены и никакого общения нет, никто и не видел его семью. Но сейчас Грише уже 30 лет. А с возрастом характер меняется. Будем надеяться!

Senya with his son Lenya.

Senya with Eva and Marik.

Senya with his son Marik.

Senya's children: Marik, Lenya, Vlada, Grisha. Moscow.

Senya and his wife Fira. Moscow.

**Senya, Fira, Mark, Sofa.
Riga.**

**Senya, Lev, Grisha Dvorkin -
Betty's husband.**

**Mark, Kapa, Lenya and Nadya with Senya and Fira
visiting New York from Israel.**

Senya, Fira, Inna, her son Ilya and his wife Stephanie. New York.

МАРК И ЕГО СЕМЬЯ

Марк – четвёртый сын и брат в семье Беккер. Он, как и все остальные братья, похож и внешне, а во многом и характером, и в то же время отличается от остальных.

Отличается он, вообще, от многих своей тягой к знаниям в любой области, своей эрудицией, сочетанием сильной воли и мягкости и многими другими чертами характера. И хотя на его долю в жизни пришлось много тяжелых дней и даже лет, он не потерял бодрости духа, оптимизма и доброты. Я думаю, это особенно ценно, если так может писать жена, прожившая с Марком 47 лет. Он много раз в жизни поднимался довольно высоко и падал вниз по разным обстоятельствам. Но при этом не терял своих хороших качеств, оптимизма, не озлобился, поэтому, наверное, судьба помогает ему подняться опять наверх. И это повторялось у него в жизни неоднократно.

Марк рос в большой религиозной семье, в которой было 10 детей. Все дети были очень дружные, не ссорились, не ругались и даже не дрались, как это принято у мальчиков, а их было 7 мальчиков подряд, с разницей в возрасте год – полтора. В этом, конечно, заслуга родителей, особенно матери. Отношения между родителями были доброжелательные и нежные, а это очень важно для детей.

С раннего детства главным и большим желанием Марка была тяга к учебе. В 5 лет отец записал его в хедер, где обучали еврейским молитвам и законам. Там он проучился года два. Потом его отдали в гимназию, в младший подготовительный класс. Но тут свершилась Октябрьская революция и гимназии закрыли, а вместо них открыли советские трудовые школы, и Марк попал сразу в третий класс. Школа была еврейская. Сразу после революции ещё были такие, потом их закрыли. Школа была очень хорошая. Все преподаватели – высокообразованные и квалифицированные, прежде работавшие в гимназиях. И, конечно, они остались большой след в жизни воспитанников. Марк, по крайней мере, и сейчас, в старости, часто вспоминает и многое воспринял от них. Учился он всегда хорошо и стремился к этому. Был общественником, хорошо говорил и, конечно, уже с детства был умным и развитым. Но в те годы, 1923-1924, «нетрудовые элементы», каковыми считались родители Марка, должны были платить за образование, даже школьное. Это уже позднее через много лет образование в Советском Союзе стало бесплатное. Отец же Марка не имел возможности платить за обучение детей

по своему материальному положению, поэтому старшие дети в те годы перестали учиться, пошли работать, а дети младше Марка были изгнаны из школы и болтались, нигде не учась.

Марк же был уже в 7-ом классе, и хотя директор школы каждый раз, приходя в класс, выгонял его за неуплату, но как только директор выходил из класса, он возвращался. Так велико у него было желание учиться. И таким образом он закончил первую ступень средней школы, то есть 7 классов. Это было в 1927 г. Одновременно в школе проходили труд при еврейском ремесленном училище, находящемся на содержании «Джойнта» – американского общества помощи евреям.

А потом начались мытарства с получением дальнейшего образования. Причем, по-моему, ему было безразлично, где учиться и по какой специальности. Ему важно было учиться и получить образование. И он поступил в Одесское военное артиллерийское училище. Проучившись там три месяца, был изгнан как сын «нетрудового элемента». Отец имел патент на окраску одежды уже в Москве, но кто-то написал в училище донос, что он крупный торговец, владелец домов и магазинов, но в училище никто не стал проверять правдоподобность этого доноса, легче было выгнать парня. Он это событие очень тяжело перенес. Но жить и работать надо было. И Марк устроился на пассажирский пароход «Пестель» матросом, где убирал палубу и помещение 3-го класса. Пароход курсировал между Одессой и Батуми.

Старшие братья в это время уже были в Москве с отцом, а Грише удалось попасть за границу одному, хотя попытку он делал вместе с Сеней.

Работать на пароходе нужно было два рейса бесплатно. Это был испытательный срок. А начиная с 3-го рейса, должны были платить зарплату. Но платить не стали, и Марк, доехав до Батуми, сошёл с парохода. Покрутившись в Батуми и не найдя работы, решил поехать в Тбилиси и найти женщину с дочкой, с которыми познакомился на пароходе и которые приглашали его приехать к ним. Но их не оказалось в городе, и Марк, поселившись на туристической базе, нашёл работу на кирпичном заводе просевальщиком глины.

Надо сказать, что в те годы в Советском Союзе была большая безработица, и найти работу было непросто, и поэтому люди шли на любую работу. Глину месили ногами, работа была тяжелая. Рядом с Марком работали айсоры – чернорабочие, не знающие русского языка. Бригадир-грузчик обманывал их и платил

им зарплату намного меньше, чем остальным рабочим. Они попросили Марка поговорить с бригадиром и защитить их интересы. После нескольких таких «разговоров» бригадир «посоветовал» ему уйти, если он не хочет получить нож в спину.

И он ушёл, поехал в Баку, поскольку на пароходе познакомился с парнем из Баку, и тот сказал, что там строят холодильник и набирают рабочих. Но, оказалось, что штаты заполнены, и рабочих больше не нужно. Тогда он пошёл в синагогу, надеясь найти каких-либо знакомых евреев. Но из этого тоже ничего не получилось.

И так Марк объездил почти весь Советский Союз, все республики в стремлении найти себя, посмотреть страну, все достопримечательности, и ещё одно глубоко спрятанное в нем намерение появилось у него – переправиться на Запад к брату Грише, тогда уже жившему там. Всё это потому, что он понял, что в Союзе ему будут всегда отрезаны все пути из-за его социального происхождения. Денег на дорогу, на жизнь у него, конечно, не было. Где возможно было, подрабатывал, но чаще ездил в товарных вагонах, на ящиках, бесплатно, без билетов. Таким образом он попал в Среднюю Азию.

А в школьные годы он был активным пионером, стал атеистом, и даже на этой почве порвал с отцом. Во время субботнего обеда, когда вся семья сидела за столом, Марку нужно было пойти в пионерский клуб на дежурство, но отец не разрешил выйти из-за стола. А когда он всё-таки пошёл, отец сказал ему, чтобы он не возвращался домой. И он пошёл к своему товарищу Ильюше Срыбнику, в семье которого чувствовал себя как дома и, кроме того, он ухаживал за его сестрой – Лизой Срыбник.

В 1927 году Марк приехал из Ташкента в Москву, получив на дорогу денежный перевод от отца. При содействии приятеля старшего брата Аркадия устроился на работу в «Могес», чернорабочим на прокладку кабеля. Там его заставляли принимать участие во время обеденного перерыва в пьянках. Но все рабочие привыкли к этому, на них водка не действовала, а Марк после второго стакана опьянел, и боясь залиться горячей мастикой, попросил бригадира отпустить его с работы. Но тот рассердился, влепил ему пощечину «за пьянку на работе» и велел идти работать. И Марк ушёл с работы самовольно. Добравшись благополучно домой, полностью отключился, за что получил взбучку от старшего брата и больше работать в «Могес» не пошёл.

В это же время у Марка шла переписка с Гришей о путях пе-

реезда к нему в Шанхай. В Москве Аркадий познакомил Марка с молодым человеком, родственники которого жили в Париже, куда он хотел перебраться. Зимой 1927-1928 гг. они вдвоём уехали в Благовещенск на Дальнем Востоке, где встретились с нужным человеком, который должен был помочь им в переходе границы.

Все расходы по этому мероприятию взял на себя напарник Марка. Человек, указанный Гришой, работал парикмахером в городской бане. Он связал их с контрабандистом, который часто переходил границу и переводил людей за соответствующую оплату. В те годы это ещё было возможно. В один из зимних вечеров, когда ещё только начинало темнеть, они втроём пошли через реку Зея в том месте, где она впадает в Амур, и дойдя до середины реки, повернули в сторону китайской границы по Амуру. Но тут их заметили с вышки пограничного поста, и пограничник верхом на лошади поскакал в их сторону. Они бросились бежать по пористому льду реки в сторону китайской границы, но не успели, так как пограничник открыл стрельбу и они, спасаясь от пули, вынуждены были лечь на лёд. Так они были схвачены и доставлены на погранпост в Благовещенск. Там их обыскали, отобрали документы и деньги, которые взял с собой напарник Марка. На допросе они заявили, что шли за контрабандой в Китай, и им поверили. Решением начальства они были отправлены в г. Томск для проживания, на что им были выданы проездные документы и деньги на дорогу. Напарник Марка позвонил в Москву о неудавшейся попытке перехода границы и о том, что остался без денег. Марк же, считая, что ему никто денег не пошлёт, уехал в Томск.

Но как выяснилось впоследствии, брат Аркадий послал ему тоже денежный перевод, узнав от родителей напарника о неудаче. Но деньги вернулись обратно.

Приехав в Томск и не найдя там работы, Марк без билета испытанным раннее способом добрался до Москвы, там стал помогать Аркадию и отцу, которые были компаниями. Он был у них в роли кассира-учетчика. А они продавали в другие города одежду, которую скупали в кооперативных магазинах Москвы. Таково было в те годы положение с промышленными товарами. В Москве ещё было кое-что, а в других городах ничего не было.

В начале 1928 года приехала из Одессы знакомая Аркадия, балерина Одесского оперного театра, сестра его друга Сергея. Аркадий снял дачу под Москвой для неё и «пристынил» для обслуживания к ней Марку. Вскоре Марку это надоело: не понра-

вились ему также действия Аркадия в отношении его предыдущей знакомой, Жени, за которой он ухаживал и собирался даже жениться на ней. И Марк, отдав Аркадию деньги, которые хранил, заявил, что уезжает и больше в такой роли быть не хочет. Все это произошло, потому что Марк приехал в Москву без всяких документов. Ведь их у него отобрали в Благовещенске, а без них устроиться на работу было невозможно.

Побыв немного в Москве, он поехал в Одессу к матери. Там у неё хранились метрики мальчика по имени Марк, умершего ещё грудным ребёнком и старше Марка на год. Таким образом Марк, который до этого времени, то есть вплоть до 1928 г., носил имя Лазарь и был 1909 года рождения июля месяца, стал носить имя Марк 1908 года рождения. Всем своим друзьям и знакомым он объяснил, что в метриках он Лейзер-Мордехай, то есть имеет двойное имя, что у евреев очень принято, а теперь в Москве он решил взять более звучное имя Марк. Так поступали многие евреи, меняя еврейские имена на русские из соображений более лёгкого общения с большинством населения.

Из Одессы он поехал снова в Батуми в надежде найти возможность перейти границу в сторону Турции. Поступил на работу в пригороде Батуми, поселке Гаква, на фабрику рабочим на бетономешалку. В Батуми ему не удалось найти возможности перехода границы. Он уехал с той же целью в Баку, где связь с Ираном шла по Каспийскому морю. Но поскольку денег у Марка не было для оплаты за переход границы с контрабандистами, то и здесь ему это не удалось. Тогда он уехал в Туркмению, в Ашхабад, и там также пытался осуществить свою мечту, но убедился что без денег это сделать невозможно.

В 1932 г., работая на Калашниковской пристани в Ленинграде, он был принят в кандидаты коммунистической партии как рабочий и через полгода переведен в члены партии. В сентябре 1933 г. ему предложили остаться на сверхсрочную после получения звания лейтенанта, командира танкового взвода. Несмотря на то, что он не дал согласия, его не демобилизовали через год, а держали ещё четыре месяца, добиваясь согласия. Он смог демобилизоваться только в январе 1934 г. Вернувшись из армии, Марк пошёл в райком, чтобы встать на партийный учет и там, ознакомившись с его характеристикой из армии, в которой было записано, что он знает английский язык, имеет разрешение на выход заграницу — «мореходку», отлично овладел в течение года командирскими знаниями и было даже решение оставить его в

кадрах офицеров, предложили ему поступить в Восточный институт, на особый японский сектор. Он дал согласие, тем более что в его зачетной книжке уже были четыре курса института, что и требовалось для поступления на особый сектор Восточного института, который создавался из студентов последних курсов или окончивших институт.

В течение двух месяцев до начала учёбы он проходил проверку политической, моральной и социальной пригодности, и в марте 1934 года приступил к учёбе. Был в числе лучших студентов и через полгода был переведен в группу, созданную из студентов Восточного института последнего курса. Очень много и напряженно занимался, жил в общежитии института, летом их вывозили в лагеря, так как факультет был военизирован. Помогал отстающим студентам. Окончил институт в числе первой десятки лучших студентов. Как отличный «разговорник» был закреплен за «Внешторгом» для направления в Японию. Это было в июле 1935 г.

Но судьба распорядилась по-своему и изменила всю последующую жизнь Марка. Пока оформлялись документы для поездки в Японию, всю группу выпускников направили в санаторий в Крым на отдых. На обратном пути Марк заехал в Одессу на несколько дней повидаться с друзьями детства и юности. И конечно же в первую очередь навестил семью Срыбников. К этому времени Лиза Срыбник, первая любовь Марка, была уже замужем и имела двоих детей. Муж её был зам.начальника политотдела крупного совхоза. При встрече Марк с Лизой нежно расцеловались, что вызвало ревность её мужа. Чтобы отомстить Марку он написал в Ленинград, в райком партии, ложный донос, что было тогда очень принято. Причём написал сущую ложь – о том, что отец Марка крупный торговец, владелец магазинов и домов, чего на самом деле никогда не было, но в те годы никто не проверял истину, а верили даже анонимным письмам. Когда Марк вернулся в Ленинград, его вызвали в райком партии и сказали, что его исключают из партии за сокрытие социального происхождения. И, несмотря на то, что его отец умер в 1931 г., и Марк принес документы об этом, предлагал даже поехать на кладбище и показать, где он захоронен, никто из работников райкома даже слушать его не хотел, а просто исключили его из партии, а беспартийных на эту работу не посыпали. Кроме того, дипломы им должны были выдать после приезда из Японии. Таким образом, ему и диплома не дали, а выдали справку о том, что «прослу-

шал» курс лекций Восточного института.

Это событие в его жизни стало крушением его мечты. Достигнув такой высоты в своей жизни, он опять свалился в яму. Перенёс он это очень тяжело, и только молодость, физическое здоровье и природный оптимизм помогли пережить это тяжелое событие. Но ведь надо было жить и работать. И он стал обивать пороги соответствующих организаций, чтобы его хотя бы послали на Дальний Восток преподавать японский язык в школе. Но и в этом ему было отказано. Устроиться на работу нигде не мог и тогда решил поехать в Москву, попытать там счастья.

Так он попал на автозавод имени Лихачева в отдел кадров и нанялся чернорабочим в транспортный цех. Но случайно встретил знакомого Григория Дворкина, который впоследствии стал мужем его сестры Бети. Он работал на этом заводе начальником транспортного цеха и устроил его в планово-технологическую группу. Проработав полтора года в Москве без прописки, снимая угол у знакомых, он почувствовал, что ему надоела такая жизнь, и вернулся в Ленинград, где уже прекратились массовые аресты и расстрелы в связи с убийством Кирова и обвинения в шпионаже в пользу капиталистических стран – Японии, Германии и др.

А 29 апреля 1937 г. мы поженились, и началась наша совместная жизнь. Марк работал в каком-то учреждении завхозом, но к этому времени оттуда уволился и был в поисках новой работы. Мне это казалось очень странным. Я любила работать на одном месте, долго и очень тяжело привыкала к новой работе и людям. С 1937 по 1941 г. он поменял несколько мест работы. Ведь получилось так, что у него практически не было специальности. Он учился в разных институтах с разными профилями, поэтому все годы метался. Я предложила ему пойти в какой-нибудь институт учиться, чтобы получить специальность. Но и это оказалось делом нелегким. Нужен был аттестат зрелости, которого у него не было. Показать справку, что он прослушал курс Восточного института, тоже нельзя было, так как официально два института заканчивать нельзя было.

Тогда мы решили, что нужно сдать экзамены за 10-ый класс, чтобы получить аттестат. Я пошла с ним, чтобы помочь написать сочинение. Это было в какой-то школе на набережной Фонтанки. Не помню уже почему, но из этой затеи ничего не получилось. Кажется, потому что его каждое лето призывали на сборы офицеров на 2-3 месяца. И в первое лето нашей совместной жизни было так же. На 18-й день после свадьбы его

призывали на сборы на два месяца – для нас это был очень неприятный момент, нам просто хотелось быть вместе. Марк, конечно, не мог выдержать долгой разлуки и старался в выходной воскресный день приезжать ко мне. Но иногда он получал разрешение, а иногда уезжал из части самовольно, за что бывал наказан, то есть лишался очередного увольнения. Наконец настал день, когда Марк закончил срок своей службы в армии и вернулся в Ленинград.

Мои родители с сестрой Валей жили тогда на даче в деревне под Боровичами, и мы с Марком, взяв отпуск, тоже поехали к ним отдохнуть. Нашему счастью не было предела. Мы были опять вместе, на природе, отдыхали, гуляли и любили друг друга. Марк не мог даже спокойно сидеть рядом со мной. Это было чудесное время.

Мы много работали, я брала даже конструкторскую работу на дом, копили деньги, и летом 1939 г. впервые поехали в Крым, а потом на Кавказ. Это тоже была грандиозная эпопея в нашей жизни. В те годы пределом мечтаний была поездка на юг, и вот нам удалось её осуществить. Во-первых, мы поехали в Москву. Это тоже было очень приятно. Я там познакомилась со старшей сестрой Марка Бетей и её мужем. У них в том году родилась их старшая дочь Милочка. Мы купили себе новый фотоаппарат «ФЭД», лучший в те годы, и это тоже стало большим событием. Этим аппаратом мы пользовались большую часть нашей жизни, эмигрировали с ним и продали его в Риме. Так что все наши снимки, которые мы привезли из Союза в 4-х альбомах, сделаны этим фотоаппаратом.

Ехали мы в Крым в купейном вагоне, сначала в разных купе, потому что в Союзе получить билеты на любой вид транспорта всегда проблема. И у нас был такой смешной случай: я пошла искать Марка в другом купе и увидела вроде бы его на верхней полке. Когда же обратилась к нему, то оказалось, что это писатель Шолохов, который ехал с семьей из Москвы в свою станицу. Но он был удивительно схож с Марком: и ростом, и цветом волос, и лицом.

В Крыму мы осмотрели и объездили все достопримечательности и очень хорошо провели время. В это же лето там была мама с моей сестрой и с ними мамина приятельница с сыном. Пробыв там две недели, решили на пароходе поехать в Сочи и посмотреть Кавказ. Но, конечно, и на пароход билеты добраться было невозможно, и Марк получил только палубные мес-

та в надежде, что мы там что-нибудь придумаем. И придумали, тоже оказавшись в смешной ситуации. Марк пошёл к помощнику капитана и попросил дать место мне, так как я беременна. Пришлось мне выплыть живот и изображать таковую. Он ночью устроил меня в купе, а перед этим в каком-то кабинете на диване, а потом дал место и Марку. Но когда мы выходили в Сочи, то на прощанье он пожелал нам сына и назвать его обязательно Колькой.

Приехав на Кавказ, мы в течение двух недель объездили все ближайшие курортные города, все достопримечательности. Но комнату, конечно, найти было трудно, с питанием ещё хуже. В любой столовой или ресторане нужно было выстоять большую очередь, чтобы покушать. Это повсеместное явление в Советском Союзе ужасно нервирует и озлобляет людей.

Загадочное убийство Кирова – члена Политбюро и первого секретаря обкома партии сопровождалось массовыми арестами и репрессиями против руководящих партийных и советских работников, а заодно город «очищали» от «неугодных элементов» – бывших дворян, священнослужителей, купцов, людей иностранного происхождения, «социально чуждых» и неугодных центральному руководству, в том числе старых большевиков, имевших своё мнение, состоявших в других партиях. Было пересмотрено и заменено большое количество директоров предприятий и учреждений, профессоров и преподавателей институтов, а заодно и студентов, имевших собственное мнение и когда-либо высказывавших его. Тюремная машина, получившая название «чёрный ворон», еженощно, а часто и в дневное время, разъезжала по городу, увозила арестованных людей в здание КГБ на Литейном проспекте и в тюрьмы. Ни один человек не чувствовал себя в безопасности.

Восточный институт был ликвидирован, полностью разгромлен. Директора института и ряд профессоров расстреляли как «врагов народа». Та же участь постигла и преподавателей иностранного происхождения, которые приехали в страну, спасаясь от преследования своих правительств. На Дальнем Востоке таким образом погиб командарм Блюхер и другие военачальники, в том числе и бывшие студенты Восточного института, работавшие переводчиками. Таким образом, учитывая очередную страшнейшую волну террора в Советском Союзе и особенно в Ленинграде после убийства Кирова, продлившуюся до 1938 г., для Марка стало большой удачей, что его исключили из партии

и, как следствие, он не попал на работу в Японию, так как он, несомненно, был бы расстрелян вместе с другими японистами.

Пока он работал в Москве, на адрес его матери в Ленинграде поступало бесконечное количество повесток с вызовом в соответствующие инстанции. Впоследствии началась такая «мясорубка», что работников райкома, которые исключили Марка из партии, расстреляли, в том числе и мужа Лизы, написавшего донос на Марка, и многих других, подводя всех под статью «враги народа». Это было страшное время, о котором невозможно вспоминать без содрогания.

Зимой 1940 г. началась кратковременная война СССР с Финляндией. Длилась она всего 4 месяца. Марк принимал участие в этой войне как доброволец. Тогда это было «модно». Он был лейтенантом в полку автомотопехоты. Зима в том году была очень суровая, морозы достигали до 40 градусов, было много обмороженных, да и погибло немало. Я продолжала работать на заводе «Красная заря», а по вечерам тосковала по мужу. В Ленинграде было полное затмение, то есть не особенно можно было ходить куда-нибудь. Вот я и сидела дома и ждала звонка или приезда Марка. Он иногда по делам службы бывал в Ленинграде.

Однажды в ту суровую зиму он приехал в район Красной улицы, где жила моя кузина Таня с семьей и родителями, дочь тёти Сони (маминой старшей сестры). Марк позвонил, и я приехала к ним, так как домой он не мог попасть. Я увидела его, красного с мороза и пьющего горячий чай. Он заснул прямо на полуслове, держа чашку с чаем около рта, настолько был усталый и сонный. Финны – очень хорошие снайперы, они подстреливали людей там, где никто не ожидал. Оставляя свои города и деревни, они уводили всё своё население, и советские войска входили в пустые дома – ни одного человека не было ни в домах, ни на улицах. А линии обороны Маннергейма были крепкими и непроходимыми. Тем не менее, маленькая Финляндия была покорена Советским Союзом, и вскоре, кажется, в апреле месяце 1940 г. было объявлено об окончании войны. Марк специальным приказом о демобилизации добровольцев в первую очередь был освобожден он службы, и мы опять были вместе, опять были счастливы.

На майские праздники отметили 3-ю годовщину нашей свадьбы. Отметили, как и первые два года и последующие, очень пышно и многолюдно. Вообще, у нас в семье день свадьбы считается всю жизнь самым большим праздником. У мамы

Марка был настенный коврик, который мне очень нравился. И она пообещала мне его подарить, когда Марк вернётся с войны. И на третью годовщину она нам его подарила, и всю жизнь он был с нами. В те годы получить такой коврик было целым событием.

Во время участия Марка в войне с Финляндией у нас дома произошло неприятное событие. Чтобы рассеять тоску по мужу моя сестра Валя, тогда ученица 9 класса, нарядилась в его костюм, пальто и меховую шапочку, тихонько вышла на лестничную площадку и позвонила два раза в дверь, как это делал Марк. Я, обрадовавшись, побежала открывать, и увидев, что это Валя пошутила, пошла к себе в комнату, но она последовала за мной и стала дурачиться, чтобы развеселить меня. Тогда я её легонько рукой толкнула в грудь «отстань, мол, от меня», но она запуталась в длинных брюках Марка, упала на ковер, лежащий на полу, и закричала от боли. Оказалось, перелом ноги. В соседнем доме «специалистов» жила семья её подруги детства Ани Куслик, отец которой был профессор-ортопед. Он пришёл со всем необходимым инструментом и наложил гипс, так как шла война, было затемнение и попасть в больницу было сложно. Вот так закончилась эта неудачная шутка.

Сразу после демобилизации Марку дали бесплатную путевку в санаторий на Кавказ «Архипо-Осиповку», а для меня мы купили за свой счёт и уехали отдохнуть. Опять ехали с остановкой в Москве. Хорошо провели время. К тому времени у старшего брата Марка, Аркадия, уже был сын Рафа, которому мы купили в подарок только что появившийся в продаже педальный автомобиль. Впоследствии этот автомобиль перешёл к нашему сыну, и он с удовольствием на нем катался. Мы очень увлекались фотографированием, и в наших альбомах тех лет запечатлены эпизоды наших поездок в Москву и на юг.

Когда вернулись домой и приступили к работе, всё нам казалось ясным и светлым, и, как сказала моя мама, мы уже стали беситься от роскоши, и пора нам обзаводиться ребёнком. Я убедилась, что Марк меня любит, мы прекрасно ладим, и пришла к выводу, что пришло время подумать о ребёнке. Мы прекратили предохраняться, но прошло целых четыре месяца, прежде чем я забеременела. Я даже стала волноваться, думая, что должна была сразу забеременеть. Сначала я была очень рада, что забеременела, мечтала о сыне, а потом планировала родить дочку. Но всё получилось наоборот.

1928

**Mark before the Great
Patriotic War in Russia,
1941 - 1945**

1939

1940

After the war, 1947.

**Sasha, Mark, Lev, Aron, and Senya returning from
the Great Patriotic War in Russia.**

Mark and Sofa during the war.